

ЖЕВИКА
ВДОЛИНЕ

КОРОЛЬ
ПОД
ГОРОЙ

МАРИЯ
ГУРОВА

LIKE
BOOK

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г95

Художественное оформление *Янины Клыга*

Макет *Екатерины Петровой*

Иллюстрация на обложке и карта на форзаце — *Veneden*

Гурова, Мария.

Г95 Ежевика в долине; Король под горой / Мария Гурова. — Москва : Эксмо, 2023. — 384 с. — (Young Adult. Хиты молодежного фэнтези).

ISBN 978-5-04-181585-1

Война — это традиция.

В суровую эпоху в королевстве Эскалот взрослеют двое подростков.

Тристан Трувер, послушник рыцарского Ордена пальеров, встречает в лесу фею, впервые влюбляется и становится перед выбором между чувствами и долгом.

Илия Гавел, сын министра иностранных дел, узнает, что ему начертано стать проводником древнего короля и преемником нынешнего.

Победа достанется государствам, которые возродят национальных героев прошлого в век, когда танки и самолеты сменяют мечи и щиты.

Вместе Илия и Тристан отправятся на фронт и поиски легендарной усыпальницы.

Смогут ли юноши, выросшие в мире без волшебства, разбудить короля под горой?

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гурова М., 2023

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-181585-1

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Важной частью в восприятии искусства являются ассоциации. Заглавие романа «Король под горой» в первое мгновение отсылает меня в книжную вселенную Дж. Р. Р. Толкина, а затем, по наитию, я вспоминаю пласты древнее: «Артуриана», цикл о святом Граале, романы о Тристане и Изольде и, уходя все глубже, германский и галльский фольклор.

Западноевропейское Средневековье привлекает внимание писателей уже много веков, поэтому идея деконструкции формы рыцарского романа накладывает на писателя большую ответственность и обязательство филигранно играть всеми знакомыми сюжетами. Рассказать известный мотив по-новому, сместить акценты на актуальные повестки, сохранить уважительное отношение к традиции и найти собственный голос в хоре предшественников сложнее, чем кажется.

Каждое произведение из Цикла о Спящем короле структурно соответствует избранной форме: «Ежевика в долине» воссоздает куртуазный роман, а «Король

под горой» – рыцарский в декорациях фэнтезийного мира. Повесть и роман, как и все книги Цикла, связаны между собой временными рамками: правлением одного государя и войной, терзающей этот уникальный мир, в котором неразделимо переплелись рыцари-пальеры и агнологи, носители верности традиции против идеологов прогрессивной гуманитарной мысли. Обе стороны воплощают две ветви науки и вечную борьбу прямо противоположных идей, сплетая, казалось бы, несочетаемые концепты.

В Цикле очевидны аллюзии на период начала XX века: Великая война, эпоха жестких и внезапных перемен, которые неузнаваемо меняют мир перед глазами читателя. Мы наблюдаем за его преобразованием глазами двух подростков, взрослеющих в этих условиях. Они становятся свидетелями и участниками столкновений различных идеологий, на своем примере проживая, как вера людей перекраивает саму реальность, в результате открывая путь средневековым легендам и историческим событиям в мир, который для этого не предназначен. Законы истории и пророчества подчиняют «идее» поступки людей, стирая их индивидуальную волю и приводя к трансформации мироустройства.

Удивительно, но «избранные» сохраняют индивидуальность, служа проводниками изменений. Их исторические и литературные источники не затмевают яркой личности юных персонажей. Например, Спящий король, популярный у разных народов мифологиче-

ский троп, пальеры, как рыцари Круглого стола, самобытно существуют в обстоятельствах Новейшего времени. Герои наследуют образы, но не имитируют их, отражая тенденции современной фэнтези-литературы.

Особенный трепет вызывают женские персонажи: Ронсенваль, чье имя в переводе с французского означает «ежевика в долине» и отсылает нас к истории о Роланде. Ронсенваль — одновременно и холодная Прекрасная Дама из скрытого от человеческих глаз замка, и чувственная Изольда. Гислен напоминает леди Альду, невесту рыцаря Роланда, своим тихим смирением и покорностью окружающим, которая в мире достигнутой женской эмансипации вызывает только упреки и неприятие в обществе.

Герои не повторяют в точности судьбу исторических или легендарных прообразов, проживая свою литературную жизнь на страницах романа «Король под горой». Однако всегда присутствует легкий мотив, скрытая ностальгия по бродячим сюжетам мировой литературы. Подобная тонкая работа позволяет одновременно взглянуть на знакомых персонажей в современных реалиях и привести нетипичных персонажей в новую литературу.

Цикл о Спящем короле наполнен аллюзиями к нашим любимым сюжетам. Это чтение о благородных героях, сошедших со страниц мирового фольклора, в декорациях «потерянного поколения». «Король под горой» отражает легкость и насыщенность события-

МАРИЯ ГУРОВА

ми классического фэнтези, деконструируя «вечные сюжеты» в традициях литературы постмодерна. Подобное стилевое решение позволяет равно ответить и на запросы читателей классического фэнтези и современной литературы, и на главные вопросы — «Кем мы стали?» и «К чему пришли?» — на данном этапе цивилизации.

Вероника Черняховская,
писательница

КНИГА I

Ежевика
в долине

ПРОЛОГ

Погасла керосиновая лампа, уступив комнату лунному свету. А он протянулся тусклыми прожекторами из застекленных бойниц. Один луч высвечивал сопящие носы, другой — подергивающиеся пальцы ног, высунутые из-под одеяла, третий — ссутулившуюся на койке мальчишескую фигуру, угловатую, сгорбившуюся под шерстью наброшенного на голову пледа.

Спальни послушников были похожи на казармы. Ночью пустота пространства не так давила, как днем озаренная солнечными лучами аскеза. Тогда-то все было явно наперечет: семь кроватей, семь табуретов возле них, один шкаф на всех. В нем ровно восемь полок; на семи из них лежали аккуратно сложенные короткие брюки, рубашка, гетры, свитер, галстук и портупея, а восьмая всегда пустовала. Ее ни за что нельзя было занимать: у членов Ордена и школяров должно быть всего поровну, даже если это было вот так нелогично. Семь серых кителей висели на штанге в платяном шкафу. Личных вещей у каждого послушника мало, даже мыло и полотенца общие.

Посреди спальни стоял чугунный очаг — единственный источник тепла, не считая семерых ребят. Изо ртов шел пар, когда кто-то из них шумно выдыхал во сне. Они привыкли терпеть, выучились объяснять необходимость добровольных лишений, некоторые даже могли воспевать свои тяготы и жертвы. Каждый в этой комнате был младше тринадцати лет, потому никто из них еще не научился заправски храпеть, как это делали старшие ребята. Избалованные беззвучными ночами, мальчишки спали чутко и ворочались, заслышав шорох. Стылый неуютный покой царил в любой из таких комнат. А еще кричащая нехватка того самого важного, в чем так нуждался каждый юноша: тишины внутри задернутого полога, любимых бездельшек и непринужденного беспорядка.

Ничего подобного здесь не находилось. Каждому послушнику Ордена разрешалось хранить одну книгу и одну личную вещь. Вот и Тристан имел такую — Ситцевого рыцаря, тряпичную куклу. Игрушку еще в раннем детстве смастерил для него сэр Мерсигер, почитаемый и обожаемый школярами наставник. До того он проникался судьбой каждого ученика, что не смог обделить заботой осиротевшего Тристана. Учитель тогда взял зеленую ткань — кривой обрез ситца, что хранился у маленького Тристана, и сшил ему куклу, а вместо копья вложил в игрушечную руку обструганную и разукрашенную веточку терна. Сэр Мерсигер рассказал, что кричащего годовалого Тристана привезли завернутым в этот самый ситец и что кусок ткани походил на наспех разрезанную юбку или платье. И Тристан всю жизнь верил, что эта юбка

или платье когда-то принадлежали его матери. Оттого он так крепко любил своего Ситцевого рыцаря. Тристан говорил:

— Вы, сэра, служите прекраснейшей из дам — моей матушке, раз носите на себе часть ее платья!

А Ситцевый рыцарь отвечал:

— Конечно, Тристан! Большая честь служить такой леди! Вот сами и поймете, как станете рыцарем.

— Вам следует быть идеальным, чтобы не посрамить ее имени, — поучал его Тристан.

— Для того и стараюсь! Я бы не посмел запятнать ее честь своими недостатками.

— А разве они у вас есть, сэра? — удивился Тристан.

— Всего один: я неживой, — ответил Ситцевый рыцарь, сотрясаемый рукой мальчика.

— Так не пойдет. Ее бы это очень оскорбило и, я уверен, расстроило.

Ситцевый рыцарь браво взмахнул копьем и закивал, подгалкиваемый указательным пальцем Тристана.

— Вот и я думаю, что не пойдет. Нам должно это исправить!

В хрупкий мир под пледом ворвался голос извне.

— Тристан, что ты там делаешь? Ложись спать!

Нехотя и выждав, Тристан ответил:

— Не мешай, Гаро, я на военном совете.

Послышался вздох, полный возмущения. Военные советы длятся долго, как говорят.

— Какой еще совет за полночь? Спи давай! — шикнул Гаро.

Но в шатре из старого пледа решались судьбы. Спать было нельзя.

— Как же, сэра, мы можем это исправить? — резонно спросил Тристан. Он совсем не представлял, как можно кого-нибудь оживить.

— Проще, чем кажется. Но для начала скажите, вы меня любите?

— Люблю как самого верного из товарищей! — заявил Тристан. И ему показалось, что Ситцевый рыцарь выгнул набитую грудь колесом.

— Тогда нет никаких препятствий для нашей церемонии, — уверил его Ситцевый рыцарь. — Просто пожелайте, чтобы я был живым, и я буду.

Тристан бы и рад был остановиться, но игра его увлекла. Ну и поругали бы его наставники, узнай они, что он играет в магические ритуалы.

— Но я и так желаю. Не сомневайтесь, сэра, я бы хотел... — он не знал, как произнести это желание. Чтобы Ситцевый рыцарь ожил? Чтобы говорил сам? Чтобы превратился в человека?

— Так подарите мне душу, господин, — объяснил он.

— Как?

— Дайте мне имя, если вам его не жалко.

Тристан задумался. На ум ничего не шло.

— А что же вам Ситцевый рыцарь не по душе?

— Хорошее прозвище, зовите меня так, коли угодно, — сказал он. — Но вы всегда обращаетесь ко мне «сэр». Как рыцарю жить без имени?

Тристан улыбнулся, он вдруг все понял.

— Что ж, так имени мне для вас совсем не жаль. Вы будете сэръ Трувер, Ситцевый рыцарь! — воскликнул он, отчего соседи по комнате заскрипели кроватями.

— Вы... Вы даете мне свое имя? — растерянно спросил Ситцевый рыцарь, и Тристан вдруг услышал совершенно чужой, мужской голос, совсем не похожий на свой, ребяческий.

— Вы живы! — прошептал ошарашенный Тристан. Он вдруг заметил, что тканевая фигура двигалась сама, совсем без усилий его пальцев. Он бережно положил куклу на подушку. И Ситцевый рыцарь закивал.

— Все так, господин мой, вашим усердием я жив. И благодарен вам за имя ваше и вашей матушки, чьи одежды я на себе ношу. Я бы не смел мечтать о большем, чем вы одарили! — Тристану показалось, что Ситцевый рыцарь всхлипнул. Или шмыгнул носом, если бы его нос не был таким же набитым соломой и опилками, как он сам.

— Чудо какое, — определил происходящее Тристан.

— Я в благодарность теперь буду служить вам вечно. Примите мою присягу, господин!

— Чем же ты можешь мне послужить? — спросил Тристан. Неожиданно игра для него закончилась. Но он был даже удивлен, как спокойно воспринял случившееся под пледом. Другой бы завопил, отбросил куклу, а может, и с кровати спрыгнул.

— Что ни спросите, на все получите ответ. Вы не смотрите, что я так невелик, что набит соломой и вооружен только терном. Я ведаю больше любого из ваших наставников. И теперь мои знания — ваши.